

Великий князь НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императора Александра и Наполеона (1808–1812)

<Фрагмент>

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ

<...>

Для него (Наполеона. — *Комм. сост. О. С.*) Тильзит был неожиданным триумфом самолюбия и давно желанной передышкой истребительных трехлетних войн (1805, 1806, 1807 гг.).

Он, дитя революции, сближается с традиционным наследником московских царей. Ему приходит на ум дележ вселенной между Францией и Россией.

В продолжительных разговорах с Александром, Наполеон изучает этого задумчивого юношу, стараясь озадачить его грандиозностью своих проектов и ему свойственным красноречием. Наполеон не сомневается, что покорил юное сердце русского императора, и этим убеждением проникнуты все его письма, посланные в Париж из Тильзита. Воспользоваться союзом с Россией было весьма заманчиво.

Недавно поработанные короли и народы могли взбунтоваться против французского владычества, нужно было закрепить плоды побед и заняться благоустройством вновь созданных государств и управлений, а также низвести до полной покорности и ослабления монархии Габсбургов и Гогенцоллернов.

Отчего не воспользоваться услугами России, представитель которой добровольно шел ему навстречу с приветливой улыбкой на устах!?

Наполеону казалось все это так привлекательно и просто, что он решает сделать опыт, не сомневаясь в успешных результатах. Вернувшись в Париж после достигнутых успехов, Наполеон назначает генерала Савари, а вскоре после него другого генерала, Коленкура, послом в Петербург.

Последний, один из приближенных ему людей, пользующийся его доверием уже давно. Коленкуру даются самые обстоятельные инструкции по делам немецким, польским, шведским и турецким. Новый посол уже в декабре 1807 года явился на смену Савари. Его положение быстро

определяется, Александр с первых же шагов приближает его к себе, отличает и няньчается с ним, любезно оберегая посла от недоброжелательства высшего общества. Положение Коленкура делается почти сразу исключительно выгодным для успешного ведения дел. В подробных донесениях он излагает свои впечатления, где высказывается чуть ли не на каждой странице довольство; Александр и Румянцев проникнуты духом союза, и все предвещает новые лавры на почве сближения. Так проходит 1808 год. Осенью этого года сбывается предположенное свидание в Эрфурте. Необходимо еще ближе сойтись друзьям императорам, переговорить о некоторых спорных и недоговоренных вопросах.

Внешний блеск Эрфурта ни в чем не уступал Тильзиту, и вся Германия с трепетом ждет результатов переговоров. Все мелкие интересы владетельных принцев выступают наружу. Отсутствуют только Габсбурги; барон Винцент явился единственным представителем обиженной Австрии*.

Наполеон находит перемену во взглядах Александра, он точно возмужал за истекший год и более не походит на скромного юношу Тильзита. Разговоры стали труднее, много недомолвок, смутных обещаний, все стало сложно.

Но Наполеон далек от мысли, что в числе лиц его свиты есть уже изменник, пользующийся удобным случаем вселить к нему недоверие русского императора. То был Талейран. Еще в Париже он сблизился с австрийским послом графом Меттернихом и переговорил с ним о многом.

Возвращение монархов в свои столицы уже не то, как год назад.

Оба озабочены, но Александр уже предупрежден, тогда как Наполеон еще полон надежд. Вскоре отношения Австрии и Франции делаются натянутыми. Возможен разрыв.

На смену графа Толстого назначен в Париж князь Куракин, но еще до его приезда проследовал туда же министр Иностранных дел граф Румянцев.

Тем временем Наполеон был в Испании, где обстоятельства требовали его присутствия.

Император французов торопится назад в свою столицу, где его ждут представители дружественной России. В беседах с ними Наполеон намечает программу будущих действий, но граф Румянцев не скрывает трудностей их исполнений. Коленкуру даются новые инструкции на случай столкновения с Австрией. Вскоре граф Румянцев возвращается в Петербург. Казалось, все шло довольно гладко. Но тут именно и начались непредвиденные затруднения. По уговору, Александр должен был поддерживать войсками своего союзника, в случае разрыва

---

* Меттерних пробовал уговорить Наполеона пригласить императора Франца, но Наполеон резко отказал ему.

с Австрией. Обещания были даны и в беседах с Коленкуром, не раз повторены государем. Но войска собирались медленно, главнокомандующий князь С. Ф. Голицын медлил еще больше.

В это самое время Александр был занят приемом прусской королевской четы, делами Финляндии, что не помешало ему принять чрезвычайного посла князя Шварценберга, приехавшего разжалобить Александра в пользу Австрии.

В Париже Наполеон и Шампаньи волнуются, но Коленкур их успокаивает своими донесениями, посол еще полон оптимизма.

Между тем война объявлена. Войска уже дерутся в Баварии. Наполеон спешит в действующую армию. Там его встречает посланный Александром полковник Чернышев*. Происходят кровопролитные бои на полях Асперна и Ваграма, а русской помощи не видно.

Наполеон озадачен, и было от чего прийти в недоумение! Но очи его прояснились вскоре.

Александр присылает новых посланных поздравить союзника с победами, а русские войска только недавно вошли в пределы Галиции.

Тогда стало все понятным.

2 июня 1809 г. посылается Коленкуру подробная инструкция, как действовать в будущем, ему дается новая программа, вполне определенная.

Наполеон более не озадачен, он чувствует себя глубоко оскорбленным и, понятно, не забудет Александру его двусмысленной игры. Союз вступает в новую фазу.

Наполеону он еще необходим, надо заключить мир с Австрией, может быть, Александр хоть здесь окажет ему какую-либо услугу. Новое разочарование. Александр отказывается принять участие в мирных переговорах, оставляя всю ответственность победоносному союзнику.

Положение Наполеона еще затрудняется.

Из Парижа до него доходят слухи, что минувшая кампания в стране не популярна, эта война признается войной Наполеона, а не Франции; народ и общество устали, слышатся голоса недовольных даже в среде маршалов и военных. Надо торопиться. Мир, наконец, заключен 2(14) октября 1809 года. Условия его нам известны.

Польша награждена, хотя негласно, но широко; Россия получает лишь незначительное земельное приобретение в Галиции. Наполеон возвращается в Париж, зная хорошо, что неприятные объяснения не замедлят явиться из Петербурга. Начинается первая оживленная переписка между дипломатами по польскому вопросу. Но внутренние дела приковывают внимание Наполеона настолько, что он решается на новый шаг — развод с императрицей Жозефиной. Ему нужен наследник. Опять взоры поворачиваются в сторону России. Если

---

* См. Bailleu, *Lettres de Frédéric Guillaume à Alexandre* 12 et 19 Mai 1809. Pp. 186–191.

Александр пожелает ему дать руку своей младшей сестры — все еще поправимо.

Тут опять новые задержки, неопределенные ответы, словом, уже известные приемы.

Тогда Наполеон резко меняет фронт и заключает брак с австрийской эрцгерцогиней.

Союз с Россией остается лишь на бумаге.

После брачных церемоний надо быстро и бесповоротно готовиться к борьбе с Россией, надо сформировать грандиозную армию, чтобы победить неблагодарную союзницу.

С этого момента пошли приготовления как военные, так и дипломатические, чтобы заставить Австрию и Пруссию стать под французские знамена.

Решив воевать, Наполеону нужно было только выиграть время, упорядочив тяжелую борьбу в Испании. Так прошли 1810 и 1811 года в самых напряженных приготовлениях к нашествию на Россию.

Для дипломатов создались новые вопросы, как о герцогстве Ольденбургском и о тарифе, цель которых была лишь отвлечь внимание и затянуть время. Когда наступила весна 1812 года, все было уже готово; поездка в Дрезден была сделана для Германии и внешнего обаяния, и в июне Наполеон был в Вильне.

Такова была в немногих словах вся политика Наполеона от Тильзита до разрыва.

На кого же падала ответственность в Отечественной войне?

Вопрос, на который историки ответили различно: одни упрекали Наполеона, другие Александра.

Мы ответим коротко. Наполеон объявил войну, вторгнувшись со своими полчищами в русские пределы, Александр мечтал о ней и ничего не сделал, чтобы ее предотвратить, кроме внешних проявлений обеспечения мира.

До Ваграма Наполеон и не думал воевать; в течение 1810 года, разочаровавшись в дружбе Александра, стал упорно готовиться к борьбе и, не видя другого исхода для поддержания престижа своей империи, решил поставить все на карту, надеясь запугать противника и вызвать его на уступки.

Здесь обнаружилась вся ошибочность его расчета.

Александр как не простил Австрии кампании 1805 года, не забыл и Аустерлица, и ждал терпеливо минуты смыть позор; не желая, может быть, преждевременного кровопролития, он только и сблизился с Наполеоном, чтобы его погубить, и, когда настал момент, воспользовался гениально всеми обстоятельствами, став всенародно жертвой коварства и честолюбия своего союзника.

Потому и не могу согласиться с Н. К. Шильдером, который высказал противоположное мнение, — «что можно положительно утверждать,

что в то время, когда Наполеон составлял планы, клонившиеся к гибели России, Александр, с своей стороны, не помышлял еще о войне с Францией» *.

В заключение повторю, что уже раньше высказал в другом месте (см. III том «Граф Павел Александрович Строганов», стр. 22), о «священной памяти двенадцатого года».

Славная эпопея произвела значительно больший переворот в умах и чувствах современников, чем в государственном и военном строе европейских держав.

Переворот, произведенный 1812 годом даже в императоре Александре I, до настоящего времени еще не определен, несмотря на многие труды, посвященные этому вопросу. Характер его стал еще более загадочным, идеалы молодости были забыты, либеральные стремления исчезли бесповоротно, а мистицизм его души заглушил все благие начинания.

Пока Наполеон умирал на острове Св. Елены, Александр изнывал от бремени жизни.

Соперники исчезли в вечности, но следы их деяний оставили незрелые плоды, чреватые последствиями для хода событий почти всего XIX века.

Боржом, 19 октября 1904 г.

---

* См. III том «История Императора Александра I». С. 563.